

жества механическаго міровоззрѣнія, апофеоза внѣшней „культуры“, поклоненія вещамъ и идоламъ. Въ борьбѣ съ этими враждебными силами онъ бросаетъ на чашку вѣсовъ всю колоссальную тяжесть своего гения, и то, что у другого, быть можетъ, было бы принято за юродство и темноту, или встрѣтило бы только пренебреженіе, въ его устахъ получало огромное значеніе, заставляло прислушиваться къ себѣ. Съ религіознымъ радикализмомъ, для котораго не существуетъ идоловъ и авторитетовъ, Толстой ставитъ вопросъ о *цѣнности культуры* предъ лицомъ религіи, или о *религіозномъ смыслѣ культуры*. Это тотъ же самый вопросъ, надъ которымъ надорвался Гоголь, которымъ всецѣло захвачены были Достоевскій и Вл. Соловьевъ, который мучаетъ и наше поколѣніе. Намъ давить чудовищный автоматизмъ новѣйшей культуры, мы стали ея рабами, униженно цѣлующими свои цѣпи. Намъ кругомъ обступило множество условныхъ цѣнностей, которыя получили значеніе безусловныхъ. Наука, искусство, право, хозяйство, политика, техника, прогрессъ—вотъ тѣ самодовлѣющія цѣнности, по которымъ вывѣряется теперь курсъ жизни. Вся ихъ условность и относительность познается лишь въ исключительныя минуты жизни,—тогда, когда въ ней проносится дыханіе вѣчности, или приближается ледяная рука смерти. Относительно этихъ цѣнностей мы не даемъ воли скептической трезвости и пытающему сомнѣнію, которое такъ превозносимъ въ другихъ случаяхъ; быть можетъ, мы руководимся при этомъ ничѣмъ инымъ, какъ инстинктивнымъ страхомъ, что прорвавшееся пламя испепелить ветхую храмину и оставить насъ оголенными отъ всего условнаго и фальшиваго. Но въ эту чашу безстрашно врѣзался русскій богатырь. Надъ всей современной культурой онъ ставитъ гигантскій вопросительный знакъ, онъ спрашиваетъ тамъ, гдѣ это казалось невозможнымъ или неумѣстнымъ, и уже однимъ этимъ вопрошаніемъ обнаруживаетъ условность этихъ цѣнностей. Въ этой постановкѣ вопроса о религіозномъ оправданіи культуры имѣется нѣчто непререкаемое для религіознаго сознанія, и въ ней одной, независимо отъ содержанія отвѣта, уже заключается положительное религіозное дѣяніе.

Толстой поставилъ, далѣе, предъ христіанской совѣстью отнюдь не легкій, но всегда мучительный для нея вопросъ объ *оправданіи государства* съ лежащимъ въ его основѣ насиліемъ, и притомъ не о такихъ уродливостяхъ и явныхъ жестокостяхъ, которыя не ми-